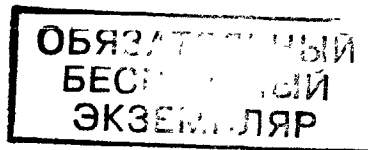

Дмитрий Владимирович Сичинава

**ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ
С СИНОНИМИЕЙ БАЗОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПАРАДИГМЫ**

**Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва

2005

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики
филологического факультета Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Владимир Александрович Плунгян

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Елена Васильевна Петрухина;
кандидат филологических наук
Тимур Анатольевич Майсак

Ведущая организация Институт востоковедения РАН

Защита диссертации состоится 16 ноября 2005 года на заседании
диссертационного совета Д 501.001.24 при Московском государственном университете
им. М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ
им. М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический
факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале 1-го корпуса гуманитарных
факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан 14 октября 2005 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 О. В. Дедова

2006-4
17529

2187097

Общая характеристика диссертации

Реферируемая работа посвящена проблематике, неоднократно обсуждавшейся в лингвистической литературе, но предметом монографического исследования не становившейся — типологии грамматической синонимии, синхронного сосуществования и диахронической судьбы видо-временных глагольных форм одного языка, либо полностью совпадающих в плане содержания (полностью синонимичных), либо имеющих общее базовое употребление и взаимозаменяемых в большинстве контекстов, хотя в некотором количестве диагностических контекстов и различаемых (квазисинонимичных). Соответственно, объектом изучения являются видо-временные глагольные системы языков, где представлен феномен синонимии соответствующих форм.

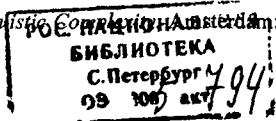
В современной литературе по грамматической типологии растёт интерес к феномену «неоднородности» систем грамматических (в том числе глагольных) показателей в языках мира, несводимости их к чёткой структурной системе оппозиций, сосуществованию в каждом синхронном состоянии языка различных «конкурирующих» единиц, что связано как с диахронической эволюцией языка, так и с особенностями возникновения грамматических значений в языке. Хотя такое сосуществование и постулируется в качестве одного из основных принципов синхронного и диахронического изучения грамматических показателей уже давно, предметом детального осмысления оно становится только в самые последние годы, ср. в особенности некоторые разделы недавней монографии [Dahl 2004]¹. С этими тенденциями связана актуальность диссертации.

Целью нашей работы является выявление типологически регулярных соответствий между синонимичными глагольными показателями определённых типов в языках мира. В нашей работе мы ограничимся видо-временными формами глагола (иногда с обсуждением также модальных); из всего же многообразия глагольных форм рассматриваются только так называемые «базовые формы парадигмы» (это понятие комментируется в Главе первой), лучше описанные и легче обобщаемые с типологической точки зрения. Особое внимание уделяется грамматическим формам с референцией к прошлому (перфекту, простому прошедшему, плюсквамперфекту), так как сколько-либо систематические наблюдения относительно этого класса форм в литературе практически отсутствуют (тогда как, например, о синонимии в области будущего времени говорится в достаточно большом числе работ).

Соответственно вышеизложенной цели полагаются следующие задачи:

- 1) для каждой из исследуемых форм систематически изложить известные в типологической литературе формальные и семантические свойства; некоторые свойства плюсквамперфекта (глава 3), кроме того, выявлены нами в ходе самостоятельных исследований;
- 2) определить теоретическое пространство возможностей, с одной стороны — формально-морфологическое для грамматикализации нескольких подобных форм в одной системе, с другой стороны — семантическое для будущей дифференциации этих форм.
- 3) отделить явления, носящие контактно-ареальный характер, от явлений, носящих заведомо типологический характер, независимый от контактного влияния;
- 4) выявить засвидетельствованные типы синонимии глагольных форм с данным значением;

¹ Dahl, Ö The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity: Benjamins, 2004.

- 5) выявить диахронические пути развития подобных синонимичных пар (или большего количества) форм.
- 6) предложить объяснения наблюдаемых типологических фактов;
- 7) предложить некоторые обобщения более высокого уровня, касающиеся не только отдельных типов форм с конкретным значением, но и грамматической синонимии вообще.

Научная новизна работы определяется тем фактом, что проблема грамматической синонимии еще недостаточно отражена в существующих работах как по лингвистической семантике, так и по общей морфологии (мы имеем в виду наиболее распространенное в современных работах понимание морфологии как науки, которая включает в себя и грамматическую семантику). Внимание исследователей синонимии обращено на пропозициональную, синтаксическую и особенно лексическую синонимию, — то есть на явления, устанавливаемые на открытых классах единиц (по крайней мере поверхностных) и потому фундаментальные, чрезвычайно распространенные и присущие практически любому языку. Структурализм, господствовавший в лингвистике XX столетия (во всяком случае в первой его половине), вообще фактически отрицал существование синонимичных морфологических форм; во многом такое положение дел сохранилось и в генеративной лингвистике. В последнее время, как уже сказано, в рамках ряда постструктуралистских подходов принцип синхронного сосуществования единиц со сходной дистрибуцией сформулирован как один из важнейших в теории языка (схожие утверждения делались и гораздо ранее целым рядом исследователей, в том числе отечественных). Но этот принцип пока раскрыт достаточно кратко и не сопровождается исследованием синонимии показателей конкретных грамматических значений с типологической точки зрения. Между тем исследования, проведенные (отчасти теми же авторами) в рамках указанного подхода, указывают и на существование нетривиального сходства между структурой и семантикой грамматических показателей определенных типов (cross-linguistic gram types, таких, как «будущее время», «перфект», «прогрессив») в генетически не связанных языках. Вопрос о том, какой характер носят тенденции, определяющие сосуществование синонимичных форм с определенным значением в различных языках, ранее не поднимался (хотя отдельные замечания в этой связи делались).

В реферируемой работе нами впервые предлагается рассмотрение ряда типов сосуществования показателей с одинаковой или близкой семантикой; это сопровождается и дополнительными исследованиями семантики этих категорий, особенно плюсквамперфекта (Глава 3), перфекта и претерита (Глава 2, 2.3—2.4). На уже существующие типологические работы об определенных видео-временных категориях в основном опираются разделы о результативе (2.2) и, в меньшей степени, о прогрессиве (Глава 4), но и в этих случаях различные типы сосуществования показателей ранее не выделялись. В ряде случаев получено несколько более частных результатов (некоторые из них ранее служили предметом отдельных докладов и/или публикаций): анализ семантики латинских форм плюсквамперфекта (3.5), гипотеза о происхождении одной из форм славянского сослагательного наклонения (3.5.2), совмещающее ареальные и типологические данные исследование эволюции пар перфектов наподобие немецкого *haben* vs. *sein*-перфекта (2.3.3—2.3.4).

Материалом для данного исследования послужили описания грамматик языков мира, исследовательские работы по различным аспектам грамматического устройства отдельных языков, а также данные, полученные в ходе работы с информантами. В работе так или иначе задействованы данные около ста языков, в которых отмечено обсуждаемое явление; из них достаточно подробно рассмотрены данные восьмидесяти пяти (сюда входят и различные этапы существования «одного и того же языка», например, древнеанглийский и современный английский, старояпонский и

современный японский, для которых характерен совсем разный синхронный характер глагольных систем в интересующем нас аспекте). При обсуждении смежной проблематики (прежде всего характеристики рассматриваемых типов глагольных показателей) дополнительно привлечены данные ещё сорока семи языков.

Методологические вопросы исследования выделены в особый раздел в Главе Первой, которая посвящена более подробному обсуждению теоретических проблем, связанных с феноменом синонимии грамматических показателей. Основной методологический подход, используемый в настоящей работе, заключается в рассмотрении грамматического показателя с синхронной, диахронической и типологической точки зрения как единства содержательной (морфологического материала) и семантической сторон. Морфологические единицы, выражающие сходные или тождественные значения, но имеющие различные (не сводимые друг к другу) планы выражения, рассматриваются отдельно.

Теоретическая значимость. Результаты исследования имеют значение для решения как ряда общетеоретических вопросов в рамках типологии грамматических категорий, так и для трактовки ряда явлений в конкретных языках. Прежде всего, это касается самой проблематики грамматической синонимии. Устанавливаются закономерности этого явления, которое иногда прежде рассматривалось как имеющее хаотичный, несистемный характер. Кроме того, общетеоретические наблюдения по данной проблематике пополняются конкретным исследованием отдельных типов форм. Выявляются факты, представляющие интерес для типологического освещения этих форм как таковых (перфекта, плюсквамперфекта, простого прошедшего), независимо от общих вопросов грамматической синонимии.

Практическое значение. Работа может использоваться как для будущих исследований в области грамматической типологии, так и для описательной трактовки ряда явлений в конкретных языках. Действительно, при описании языков нередко случаются, когда провести семантическую границу (или установить самое наличие таковой) между двумя формами, имеющими близкое распределение и семантику, очень сложно, зачастую потому, что не всегда понятно, какие именно различия здесь ожидаемы. В традиционных грамматиках такие формы выступают под ярлыками вроде «плюсквамперфект I и II», «будущее простое и будущее неопределенное» и т. п. В этом отношении типологические исследования могут оказать практическую помощь при первичной описании языка; с одной стороны, исследователю станут доступны сведения о том, какие пары форм (с точки зрения как семантики, так и формального устройства) в языках мира имеют тенденцию к полной синонимии (и насколько устойчива эта синонимия), а какие — к дополнительной дифференциации и какой именно; с другой стороны, ему будет предоставлен набор диагностических контекстов, в которых (квази)синонимичные формы могут различаться — и в каких-то языках действительно различаются.

Работа может использоваться также в новых описаниях грамматик языков, рассматриваемых в ней, а также в университетском преподавании (в курсе общей морфологии, в спецкурсах по грамматической типологии, в том числе и по типологии отдельных типов глагольных показателей).

Апробация работы. По теме диссертации были сделаны доклады на международной конференции по языкам и литературам Южной Азии «ICOSAL Moscow» (ИСАА МГУ, июль 2003 г.) и на рабочем совещании по виртуальным категориям глагола (Институт востоковедения РАН, апрель 2003 г.). Работа прошла обсуждение на кафедре теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии; к ней приложены список литературы, указатель языков и список сокращений. Во *введении* даётся краткая характеристика предмета диссертации,

цели работы, использованного материала и значимости исследования. *Первая глава* посвящена теоретическим вопросам проблемы глагольной синонимии (включая сюда и обзор подходов к этой проблематике в лингвистике XX — начала XXI в.), *вторая* — глагольным системам с синонимией показателей результата, перфекта и претерита, *третья* — глагольным системам с несколькими формами плюсквамперфекта, *четвёртая* — глагольным системам, где представлена синонимия прогрессивов (показателей актуально-длительного значения). В *заключении*, помимо основных результатов всех четырёх глав, изложены и некоторые обобщения теоретического характера. Список использованной литературы насчитывает более 470 позиций.

Содержание работы

ПЕРВАЯ ГЛАВА касается теоретических вопросов грамматической синонимии вообще и синонимии глагольных форм в частности.

В разделе 1.1. даётся определение ключевых понятий: *грамматический показатель* — морфема или иной морфологический знак, выражающий грамматические (обязательные для некоторого класса лексем, в понимании работы [Зализняк 1967]²) значения, а также *синонимия* и *квазисинонимия*. Представляется, что на материал грамматических показателей может быть перенесено, с некоторыми модификациями, проводимое в Московской семантической школе различие между:

- *полными* («точными») синонимиями (взаимозаменяемыми во всех контекстах, таковы, по-видимому, испанские показатели имперфекта конъюнктива *-ra-* и *-se-*);
- *квазисинонимиями*, при определении которых следует апеллировать к понятию *базового значения*. Оно обладает целым комплексом признаков, как правило, оно проще и диахронически старше прочих значений, свойственно большинству контекстов и т. п.; ср. обсуждение «базового значения», оно же «базовый смысл» или «базовое употребление» в [Dahl 1985: 9—10]³. Квазисинонимичные показатели имеют одинаковое базовое значение, но различаются во вторичных («периферийных») значениях.

Методологически безопаснее в том случае, если информация о вторичных употреблениях тех или иных грамматических показателей отсутствует или слишком скудна для их детального сравнения, также постулировать именно квазисинонимию этих показателей (см также ниже о методологических проблемах исследования). При дальнейшем употреблении терминов *синонимия* и *синоним*, если специально не оговорено обратное, имеется в виду (аналогично тому, что принято в лексической семантике) как полная синонимия, так и квазисинонимия.

В разделах 1.2—1.4. анализируются подходы к этой проблематике в лингвистике XX — начала XXI века (с некоторым заходом даже и в конец XIX). Раздел 1.2 посвящён структуралистским концепциям. Показано, что господствовавший в лингвистике большую часть XX столетия структурализм имел понятийный аппарат для описания этой проблемы (в частности, именно в рамках пражского структурализма — у Карцевского и особенно Скалички — ставится вопрос об «асимметричном дуализме» грамматических показателей). Однако зачастую данная проблематика просто «скрадывалась» перед лицом идеализированной системы, где все знаки так или иначе противопоставлены друг другу и о синонимии и вариативности можно говорить лишь как о маргинальном феномене: в полемически заострённом виде идея о представлении всех грамматических значений в виде системы оппозиций, как хорошо известно, представлена у Якобсона, а в американском дескриптивизме (особенно раннем)

² Зализняк, А. А. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука, 1967.

³ Dahl, Ö. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.

грамматические показатели с одинаковой дистрибуцией объединяются в одну морфему; в теории Мартине синонимия предстаёт лишь как речевая нейтрализация форм, противопоставленных в языке. Такой подход к проблеме синонимии (во всяком случае, на уровне морфологии) унаследован во многом и генеративизмом, несмотря на характерную для теории Хомского критику структурализма. Это относится как к американским порождающим морфологическим теориям — в работах Эроноффа, Вильямса и других (1.2.4) принят радикально антисинонимичный «блокирующий принцип», эксплицитно запрещающий синонимичные представления одной и той же глубинной информации, — так и к отечественной версии генеративизма в виде теории Мельчука (1.2.3.), где предложено исчисление формально-семантических отношений между морфологическим знаком и морфологическим значением, но места для грамматической синонимии здесь парадоксальным образом не предусмотрено.

Более тонкий и более адекватный подход к грамматической синонимии вырабатывается в лингвистике, не принадлежащей к магистральной линии структурализма. Здесь можно назвать прежде всего принцип «словес языка», сосуществования в языке явлений и форм, возникающих в разные периоды (такая идея представлена в работах, например, И. А. Бодуэна де Куртенэ и Э. Бенвениста). Особый раздел (1.3) посвящён работам отечественных авторов второй половины XX века. Интерес к анализу и теоретическому осмыслению языковой синонимии и/или вариативности (сами понятия «синонимия/синоним» и «вариативность/вариант» при этом разграничиваются различными авторами по-разному, а некоторыми отождествляются) возникает в отечественной лингвистике в конце 1950-х—1960-е годы во многом как реакция на структурализм; эти исследования подпитывала традиция нормативной стилистики (при которой изучались «тонкие стилистические различия» между грамматическими синонимами: в 1920-е годы А. М. Пешковский, а затем Д. Э. Розенталь, К. С. Горбачевич). Исследования грамматической синонимии начинаются в ленинградской школе германистики; авторами основных работ были Е. И. Шендельс (на материале немецкого языка) и В. Н. Ярцева (на материале английского языка), их предшественником выступил акад. В. М. Жирмунский, исследовавший синонимичные аналитические формы, различающиеся по «степени грамматизации» (рус. *буду делать что-л.*, *стану делать что-л.*). Для этих авторов характерно признание грамматической синонимии неотъемлемым фактором языковой системы, присущим языковой структуре и объединяющим синхронию и диахронию; отмечается и тесная связь неполной синонимии с полисемией грамматических показателей.

Синонимия грамматических форм пока лучше всего исследована в различных постструктуралистских направлениях, которым посвящён раздел 1.4. Привлечением внимания к морфологической синонимии лингвистика конца XX века обязана значительному прогрессу в типологическом исследовании грамматических значений. Начиная с 1970-х годов возможность типологических обобщений в области семантики глагольных категорий была убедительно продемонстрирована в целом ряде работ, прежде всего у Ю. С. Маслова и Бернарда Комри. В 1980-е годы получает также новое развитие так называемая *теория грамматикализации*, согласно которой грамматические показатели в языках мира диахронически восходят к лексическому материалу; элементы такого подхода имеются уже в деструктуралистском языкознании. В рамках теории грамматикализации П. Хоппером было предложено понятие «наслаивания» (layering) — это синхронное сосуществование в языке морфологических единиц, принадлежащих различным этапам грамматикализации, и/или единиц с близкими значениями, возникших параллельно; данная метафора уже существовала в лингвистике (см. подробнее следующий подраздел), однако обычно не связывалась с идеей грамматикализации лексических показателей. Хоппер показывает, что такое сосуществование конкурирующих показателей не уязвляется с

представлениями о языке как о чёткой системе оппозиций, а, с другой стороны, говорит о «наслаивании» как о механизме, определяющем постепенность языковых изменений (и в этой идее постструктуралисты — Хоппер, Хаспельмат, Даль — имели предшественников, например, Альбера Сеше).

В процессе исследований грамматической типологии глагольных систем, независимо проведённых Джоан Байби и соавторами [Bybee et al. 1994]⁴ и Эстеном Далем (1.4.2), подтвердилась возможность развития в одном и том же языке нескольких грамматических показателей одного и того же типа, принципиально близкая независимой грамматикализации лексем в различных языках. Этими исследователями выдвинут полемичный по отношению к структурализму принцип «поверхностного анализа», запрещающий объединение синонимичных показателей одного языка в одну морфему; отвергается жёсткая зависимость грамматической семантики от структурных отношений в рамках системы. Показано, что в ходе грамматикализации в одном и том же языке возможна «частичная конвергенция показателей из различных источников» — иными словами, несколько возникающих параллельно показателей в ходе семантического обобщения сближаются по значению («догоняют» друг друга) и образуют несколько синонимичных форм (возможно, с дифференциацией или даже дополнительным распределением; ср. английские конструкции *will, shall, is going to*). Подобные системы могут быть достаточно устойчивыми. Проблематика «конкуренции моделей» подробно анализируется в недавней книге Даля [Dahl 2004] (1.4.3); здесь показано, что новая языковая единица, как правило, не приходит на «пустое место» в языке, а ведёт конкурентную борьбу за семантическую «нишу» с уже существующей. Намечены и диахронические пути выхода из такой ситуации: отмирание одной из форм, «разделение труда» между ними, долгий период сосуществования с наличием тонких различий стилистического или дискурсивного характера. Подобные явления Даль, однако, относит к «беспорядку», с трудом поддающемуся типологическому обобщению.

Схожие подходы к грамматической синонимии (в том числе и с апелляцией к различным диахроническим уровням) представлены и в трёх других постструктуралистских теориях: «бисинхронии» во французской славистике, «вариационизме» и «теории оптимальности»; их подходы, релевантные для нашей проблематики, кратко обсуждаются в подразделе 1.4.4.

Во всех этих работах накоплен ряд общетеоретических суждений об интересующем нас явлении (1.5). Мы принимаем разделяемый практически всеми исследователями данной проблематики взгляд, согласно которому один из важнейших факторов появления грамматических синонимов — историческое развитие языка. Ситуация, в которой некоторые две формы синонимичны, есть диахроническое последствие такой ситуации, когда либо две формы противопоставлены (и речь идёт, со структуралистской точки зрения, о «нейтрализации» оппозиций с ходом развития грамматического значения), либо одной из этих форм вообще не существует или, вернее, она не грамматализована (синхронное сосуществование, или «наслаивание», «старого» и «нового»). Но мы считаем вполне допустимым возникновение синонимичных форм и в ходе параллельных, не упорядоченных во времени процессов грамматикализации (к которым поэтому самое понятие «наслаивания» не вполне применимо); не во всех обсуждавшихся нами работах эксплицитно проводится это разграничение, но соответствующие примеры (например, «специализация» показателей отрицания во французском у Хоппера и Траутот) обсуждаются регулярно.

⁴ J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca *The Evolution of Grammar tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago and L.: University of Chicago Press, 1994.

Что касается широко обсуждавшейся в структурализме проблемы «синонимия или алломорфия?», то мы используем (вслед за [Dahl 1985]) «поверхностный» подход к синонимии грамматических показателей, не допуская объединения в одну морфему показателей, находящихся в отношении свободного варьирования (таких, как *-ra-* и *-se-* в испанском) и обнаруживающих в данном языке распределение по лексико-семантическим параметрам (таких, как различные парадигмы вспомогательного показателя в немецком или старояпонском). Мы не отделяем при этом аналитических форм от синтетических (учитывая, кроме того, и неопределённость этой границы в целом ряде языков)

Мы считаем, что синонимия глагольных показателей и особенно диахронические пути развития таковой тесно связаны с типологически синхронной полисемией этих же показателей, которая потому должна быть описана (или должно быть изложено известное о ней из типологической литературы), прежде чем описанию подвергнутся синонимичные пары. Такая точка зрения непосредственно вытекает из принципа «асимметричного дуализма» С. И. Карцевского, а к синонимии грамматических категорий применена уже отчасти Р. О. Якобсоном, а наиболее последовательно Е. И. Шендельс.

Базовое допущение нашего исследования — иными словами, рабочая гипотеза, подлежащая изучению и конкретизации — отчасти уже формулировалось в типологической литературе последнего времени, но последовательно не обосновывалось и не изучалось. Оно таково: *различные базовые формы видовременной парадигмы обнаруживают неодинаковую специфику (в частности, степень выраженности) синонимии в глагольных системах языков мира*. Кроме того, мы предполагаем, что *синхронное устройство и диахроническая судьба подобных пар (или больших множеств) синонимических показателей должно коррелировать с формальным устройством и источниками грамматикализации соответствующих форм*.

При исследовании и межъязыковом сравнении глагольных категорий мы ограничиваемся так называемыми «базовыми элементами (глагольной) парадигмы», достаточно распространенными и типологически устойчивыми в языках мира, обобщения по поводу которых имеют достаточную доказательную силу и заведомо не связаны с какими-либо генетическими или ареальными свойствами рассматриваемых языков. В разделе 1.6. вводится и обсуждается это понятие. Понятие «базового элемента парадигмы», применяемое нами, близко к понятию «основная категория вида/времени/наклонения», используемого в работе [Dahl 1985], где «это понятие определяется операционально и отчасти произвольно» [ibid.: 52]; мы также не ставим себе цели дать строгое определение базовых элементов парадигмы. Исключив из рассмотрения показатели, связанные с маркированием лица, числа, падежа и залога — независимо от того, влияют они или нет на видовременную интерпретацию словоформы — Даль формулирует два необходимых условия для признания категории в качестве «основной». Она должна быть представлена в ответах информантов на анкету по исследованию видо-временных категорий по меньшей мере шесть раз и должна употребляться в утвердительных, повествовательных, неподчиненных и активных конструкциях. С другой стороны, вводя понятие «базовых элементов парадигмы», мы апеллируем также к существованию принципиально открытых (или очень близких к открытости) парадигм тюркского или северокавказского типа (об этом феномене см., например, [Сумбатова 2002]⁵), где в принципе может порождаться очень

⁵ Сумбатова, Н. Р. Глагольная система и структура предложения (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // *Языки мира. Типология*

большое количество различных аналитических форм глагола, с точки зрения информантов зачастую находящихся на грани грамматической правильности. Семантика таких форм не всегда может быть с точностью установлена; четкие и постоянные значения могут быть приписаны только конечному и не очень большому числу глагольных форм, которые, как правило, только и имеет смысл анализировать.

Выделены также основные теоретические принципы изучения синонимичных глагольных форм (раздел 1.7):

требование особого качества источников лингвистической информации (1.7.1), связанное с учётом подробной семантики обсуждаемых показателей;

учёт социолингвистического и диалектного варьирования (1.7.2), принципиального для решения самой проблемы сосуществования нескольких синонимичных форм в одной языковой системе;

учёт дискурсивного и прагматического употребления глагольных форм — тех «тонкостей», не зависящих прямо от представленной ситуации, которые зачастую играют большую роль в синхронном соотношении грамматических синонимов (1.7.3); «дискурсивный» подход в аспектологии, учитывающий функционирование глагольной формы по отношению к тексту, уже хорошо известен, прежде всего в славистике и романистике (ср. обзоры: [Петрухина 2000: 76 и след.]⁶, [Плунгян 2004]⁷).

Мы особо разбираем проблему типологической выборки (1.7.4) и подчёркиваем, что в силу ряда объективных обстоятельств исследуемого явления априорное формирование типологической выборки языков представляется нерациональным; типология строится на основании тех языков, в которых исследуемое явление не только вообще отмечено, но и описано достаточно хорошо, причём исследование грамматической синонимии схожих форм в генетически родственных и ареально близких языках также вполне информативно.

В последующих трёх главах разбираются типы синонимии, свойственные различным элементам глагольной парадигмы; каждый раз обсуждению данной проблематики предшествует изложение данных по семантике, лексическим источникам, диахронической судьбе и формальному устройству соответствующих показателей, задающее «пространство возможностей» для синхронного многообразия форм в системе и установления синонимических отношений между ними.

В ГЛАВЕ ВТОРОЙ проанализирована синонимия, возникающая на различных этапах хорошо известного (по крайней мере с работ Мейе и особенно Куриловича) пути грамматикализации «результатив → перфект → аорист/претерит», анализ которого в нашей работе начинается даже несколько раньше (2.2.2), с рассмотрения синонимии наиболее частотного лексического источника результата — посессивной конструкции.

В 2.2. анализируются различные формальные типы синонимии **результативов**, то есть глагольных форм, обозначающих состояние предмета, причём это состояние

Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002, 355—380.

⁶ Петрухина, Е. В. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: МГУ, 2000.

⁷ Плунгян, В. А. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // А.П. Володин (ред.) *Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, 2004, 390—411.

предполагает некоторое предшествующее действие [Недялков, Яхонтов 1983: 7]⁸. С семантической точки зрения для языков мира, как уже известно, характерна специализация формы результата на том или ином диатезном (залоговом) значении: 'дверь открыта' (состояние пациенса), 'глаза воспалены' (состояние единственного актанта непереходного глагола) и 'я взял (и держу) шляпу' (состояние агенса действия, выраженного переходным глаголом). С формальной точки зрения синонимия показателей результата, представленная в языках мира, может быть разделена на следующие типы (2.2.3):

- Соотношение синонимичных форм, связанных этимологически, одна из которых морфологически «проще» другой (в частности, одна может быть синтетической, вторая — аналитической). Таким образом, они представляют собой разные этапы одного и того же пути грамматикализации. Это синхронное «наслаивание» в узком смысле ([Hopper, Traugott 1993: 125]⁹ — «полная» и «редуцированная» формы; см. также Главу первую, 1.4.1). Особенно характерен такой феномен для языков, где нефинитные причастия употребляются в независимых предложениях в предикативной функции, причём они могут факультативно принимать глагол-связку и/или личные окончания. Указанный тип языков детально разобран в исследовании [Калинина 2001]¹⁰; здесь же показано, что он отсутствует в европейском ареале (где разграничение между финитными и нефинитными формами глагола носит строгий характер). Данное соотношение представлено, в частности, в чукотском, эскимосском, литовском и хинди.

- соотношение нескольких «эквивалентных» (в структуралистском понимании) или «равномаркированных» форм, образованных при помощи синонимичных морфологических показателей одного типа. Такое соотношение характерно для показателей, принадлежащих альтернативным путям грамматикализации (причём практически синхронным). Этот тип распадается, в свою очередь, на два подтипа:

- речь идёт о нескольких «молодых» аналитических («несвязанных») формах результата, где непосредственно видна конкуренция конструкций (синонимичных ещё до стадии их грамматикализации). Такая ситуация была представлена в языках Европы, прежде всего романских и германских, на раннем этапе их эволюции, и регенерируется на этапе современном;
- речь идёт о нескольких диахронически более старых сравнительно с предыдущим типом форм, где показатель результата представляет собой уже суффикс синтетической словоформы. Такая ситуация представлена в близкородственных монгольском и бурятском языках; в обоих случаях речь идёт об отглагольных прилагательных, которые могут употребляться и предикативно (т. е. опять же актуальна проблематика предикативного использования форм, немаркированных по финитности — монгольские языки также относятся к выделенному Е. Ю. Калининой типу):

Показано (2.2.4), что результатив — «молодая» (недавно грамматикализовавшаяся) форма, по самой сути своего значения тесно связанная с непосредственно наблюдаемыми характеристиками ситуации, а не теми или иными

⁸ Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.), *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 1983, 5—41.

⁹ Hopper, P. J., Traugott, E. C. *Grammaticalization* Cambridge, England: Cambridge University Press, 1993.

¹⁰ Калинина, Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении* М.: ИМЛИ РАН, 2001.

метафорическими расширениями и интерпретациями их. Этим объясняются характерные свойства результата с точки зрения синхронной синонимии:

а) распределение нескольких синонимичных форм по диатезным типам, непосредственно отражающее свойства ещё синтаксиса, а не морфологии;

б) конкуренция синонимичных показателей, непосредственно отражающая свойства ещё лексики, а не морфологии;

в) сохранение полной синонимии (с точностью до диатезного типа), отсутствие тонких различий прагматического или дискурсивного характера.

Указанный тип синонимичных конструкций переходит и на следующую диахроническую стадию — **перфект** (раздел 2.3). Основным значением перфекта чаще всего считают трудноопределимую «продолжающуюся релевантность» («текущую релевантность») некоторой предыдущей ситуации в момент речи; в отличие от результата, в момент речи сохраняется не материальный результат этой ситуации, а те или иные прагматически важные последствия. Для перфекта характерен ряд дополнительных значений: экспериенциальное («данная ситуация осуществилась по крайней мере один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению вещей»), «перфект постоянной ситуации», сообщение о «свежих новостях» и некоторые другие. Достаточно широко представлено у перфектов в языках мира также эвиденциальное («заглазное», «пересказывательное» значение), связанное с изложением информации «из вторых рук» (и зачастую снятием с себя ответственности за неё). Известно также, что перфект — диахронически неустойчивый показатель, либо сохраняющий пережитки результативного значения, либо приобретающий черты, характерные скорее для претерита; отмечены также случаи, когда перфект утрачивает своё базовое значение и сохраняет ряд периферийных.

Перфект, образуясь из результата, во многих языках наследует от него противопоставление двух диатезных конструкций: «субъектно-переходной» и «объектной», характерной для непереходных глаголов (ср. в европейских языках, где используются соответственно вспомогательные 'иметь' и 'быть': нем. перфект со вспомогательными *haben* и *sein*, франц. прошедшее сложное с *avoir* и *être* и др.). Здесь нами выявлена следующая закономерность: с ходом диахронической эволюции перфект либо ликвидирует различные диатезные конструкции (выбор которых уже во многом обусловлен лексической семантикой и аспектуальным классом предиката) и образует унифицированную форму (иберо-романские языки и диалекты Южной Италии, независимо, и несколько в иной исторический период — германские языки североевропейского ареала; также современный армянский язык, сравнительно с древнеармянским), либо утрачивается в глагольной системе (вообще, как в старояпонском языке, или же превращаясь в аорист/претерит, как в языках центральной Европы, древнеперсидском и некоторых индоарийских языках, 2.3.3.). Существовало, что этот феномен, хотя и выявляется достаточно ярко на материале европейских языков, находит параллель в истории ряда языков за пределами этого ареала и носит типологический характер.

Получившаяся импликация может быть представлена в следующей таблице:

	Перфект сохраняется	Перфект > простое прошедшее (или утрачивается)
Форма обобщается	(1) Древние и.-е. языки: армянский <u>Европа, генетически-ареальная зона 1:</u> испанский, каталанский, португальский, южные итальянские диалекты <u>Европа, генетически-ареальная зона 2:</u> английский, норвежский, шведский, датский [в процессе обобщения]	(2) Идиш в Америке, французский в Канаде, африкаанс (английское влияние) Румынский (балканское ареальное влияние); NB разные вспомогательные глаголы в перфекте с одной стороны и плюсквамперфекте / предбудущем с другой
Форма не обобщается	(3) Европа: нидерландский [видимо, в процессе утраты различия перфект/претерит]	(4) Европа: французский, итальянский, немецкий (включая особо южные диалекты), ретороманский, идиш Древние и.-е. языки: латинский, древнеперсидский Вне Европы: аккадский, арабский, авадхи (индоар.), старояпонский

Контрпример против этой импликации — нидерландский язык — относится к классу случаев (3); он разобран на материале нескольких описаний, и показано, что он допускает истолкование, сближающее его с классом случаев (1) (если и прямо сам не относится к этому классу). Заметим, что и класс случаев (2), не являющийся формально контрпримером к выше высказанному положению, везде связан, так или иначе, с ареальным влиянием. В связи с этим можно предположить, что данная импликация по характеру своему близка к эквивалентному соотношению (а именно, что собственно внутриязыковым двигателем процесса унификации перфектной конструкции является долгое сохранение ею перфектной семантики).

Третьим возможным путём развития синонимичных перфектов является «разграничение» семантической сферы, характерной для перфекта, между конкурирующими формами и специализация каждой из них на одном из значений (экспериментальном, результативном, собственно «текущей релевантности»): такой путь засвидетельствован в исландском (перфекты с *hafa, vera* и *vera búin(n) ad*), македонском (перфекты типа *сум дојден, имам дојдено* и *сум дошол*) и в некоторых говорах испанского (где перфект с *tener* имеет только экспериментальное значение, а остальные выражаются только перфектом с *haber*), он рассмотрен в разделе 2.3.5.

В 2.3.6. анализируются синонимичные перфекты и результативы со связкой и без связки (ср. др.-рус. *ходить есть* vs. *ходить*). Такое сосуществование отмечено в языках с чётким разграничением финитности и нефинитности (немецкий, шведский, сербохорватский, древнерусский, широко известен болгарский случай); вне Европы — арчинский (результатив, совмещённый с перфектом); формы без связки коррелируют с употреблением в зависимых предикациях и достаточно устойчиво приобретают эвиденциальное и/или перфективное значение; таким образом, такой тип синонимии перфектов также нестабилен.

В 2.3.7. предложена попытка объяснения «плохой совместимости» перфекта с синонимией, которая связывает этот феномен с диахронической неустойчивостью

перфекта как глагольного значения. Такая «неустойчивость», в свою очередь, объясняется спецификой базового значения перфекта, связанного не с объективным вещественным значением (как результатив), не с объективной временной локализацией (как простое прошедшее), не с характеристиками ситуации (как аспектуальные показатели), а с предельно субъективной, определяемой условиями речевого акта прагматической «релевантностью» выражаемой ситуации. Данное употребление требует специфического, однозначного сигнала. Кроме того, противопоставление между несколькими синонимичными формами в одной системе само часто опирается на противопоставления неденотативного, прагматического или дискурсивного плана (см. в Главе первой, раздел 1.7.3) — а базовое значение перфекта само связано с прагматикой; соответственно, в отношении, близкие к синонимичным, он вступает скорее с другими элементами парадигмы — результативом и простым прошедшим.

Синонимия показателей на диахронической стадии «перфективного» и «простого» прошедшего, или, что то же, «аориста» и «претерита», разбирается в пункте 2.4. Рассмотрено синхронное соотношение между старым претеритом и бывшим перфектом, приобретающим претеритальную семантику, которое хорошо представлено в различных языках мира (однако малоизучено даже как европейский ареальный феномен: в поле зрения науки на протяжении XX века находилась в основном смежная проблема утраты претерита). Нами показано, что в тех случаях, когда синонимия этих форм неполная, оно устойчиво ассоциируется с «актуализирующими» дискурсивными функциями перфекта (иногда связанными с нарушением нарративной цепи), что налицо не только в различных неблизкородственных европейских языках, но и в удинском (нахско-дагестанские); случай обратного распределения (каталанский) объясняется лексическим источником перфектива (типа *vaig cantar*, где вспомогательный глагол восходит к глаголу движения, а сама конструкция первоначально имела инхотативное значение).

Особо выделен феномен «обратного» распределения претерита и перфекта по признаку временной дистанции (форма, восходящая к претериту, выступает как показатель недавнего прошедшего, а форма, восходящая к перфекту — как показатель давнего / общего прошедшего времени), засвидетельствованный в двух генетически не связанных языках (румынские диалекты, карачаево-балкарский, 2.4.2); к осмыслению этого явления мы вернёмся в обобщающей части Заключение.

Рассматривается практически не изучавшаяся проблема соотношения «краткой» (в частности, неспрягаемой) и «полной» (в частности, спрягаемой) формы претерита (2.4.3), также стоящая в связи с проблематикой употребления нефинитных форм в предикативной функции (эвенкийский, индоарийские). В этом разделе значительное место уделено типологическому анализу самой малоизвестной и загадочной древнерусской глагольной формы — «безлевого перфекта» (вида *взъ жсмь* вместо *взъмъ есмь*), объединяющего формальные и семантические признаки и перфекта, и аориста (и имеющего также, по-видимому, системное отношение к причастию).

В ряде случаев результаты рассмотрения материала в Главе второй оказались достаточно предсказуемыми; так, результатив, как диахронически «молодая» форма, демонстрирует вариативность, связанную с лексическими источниками с одной стороны и синтаксическими типами с другой (подтверждая принцип «сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис», восходящий к Мейе); процесс грамматикализации её (и тем более перехода её в перфект) сопровождается ограничением формального пространства возможностей; старое перфективное и простое прошедшее, что достаточно хорошо известно, соседствуют с бывшим перфектом, который уже приобрёл характерную для них семантику; по сравнению с

обычно полностью синонимичными результатами, синонимы претеритной группы чаще демонстрируют системные контрасты.

Вместе с тем неожиданным результатом кажется то, что для простого прошедшего и перфектива (более «старых форм») синхронная синонимия оказывается более распространена, чем для предельно стремящегося к контрастам перфекта; таким образом, восходящее еще к Бреало мнение о всё нарастающем «сужении» и «специализации» синхронной «ниши» для конкуренции нескольких форм по мере грамматикализации, по крайней мере на данном диахроническом этапе, подтверждения не находит. О семантической специфике перфекта, обуславливающей это явление, уже говорилось. Отметим ещё, что с диахронической точки зрения результатов и претерит не имеет такой большой «свободы выбора», как перфект, показатель «среднего возраста»; «старая» форма уже исчерпывает возможности развития, для «молодой» оно ещё предназначено (действительно, развитие в сторону перфекта — путь изменения результата в подавляющем числе случаев), что касается «средней» формы — тем более с такой неустойчивой и легко распадающейся на подмножества семантикой, как перфект — то пространство возможностей для перестройки системы в «точке дублирования» у неё, пожалуй, самое большое.

Показано, что распространённая в пределах известного типа языков системная синонимия, связанная с равноправным функционированием (дее)причастий и вторично финитизированных форм в качестве сказуемого независимого предложения, в разной степени проявляется в этих трёх категориях — будучи представленной в результате и претерите, в перфект она почти не проникает, а привативные (неравномаркированные) противопоставления в этой области носят там иной характер — утрата связи там вторична и обусловлена зависимым характером синтаксической конструкции (что облегчает развитие новых значений эвиденциального характера).

В данной области значений представлены различные типы «конкуренции моделей» по Далю [Dahl 2004], включая «разграничение ниши» и «перемирие» (формирование нескольких форм-наследников перфекта в македонском и исландском), создание новой формы как «выход из положения» (снимающий омонимию между акциональным и статальным прочтением новых результатов в хинди).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ отдельно анализирует **плюсquamперфект**. Это одна из самых доступных для синонимии форм. Для неё характерна морфологическая «сложность» и «двойное маркирование» при помощи нескольких самостоятельных показателей — «перфект + претерит», как в европейских языках, ср. англ. *had written*, «перфект/претерит + дополнительный специальный показатель прошедшего», как в ряде языков Азии и Африки; «претерит + претерит», т.е. повторение того же показателя, как, например, в адыгейском и корейском); наличие специального показателя плюсквамперфекта — как в латыни и в сантали (группа мунда, Индия) — типологически необычно. Несмотря на это, плюсквамперфект не может рассматриваться (только) как сочетание двух показателей: как утверждается в ряде исследований 1970—1990-х годов, его композициональная трактовка далеко не всегда приемлема, и в типологических исследованиях глагольных систем его всё чаще анализируют как отдельную базовую форму. Действительно, это семантически очень нетривиальный показатель, употребления которого практически во всех языках не ограничиваются таксисным контекстом «предшествования в прошедшем» (что обычно считается основным значением плюсквамперфекта начиная с работ Х. Рейхенбаха и Б. Комри). У плюсквамперфекта отмечено большое количество дополнительных значений, которые могут быть объединены ярлыком «неактуальное прошедшее» или «закрытый временной интервал в прошлом»: это представленные в большей части языков, имеющих плюсквамперфект, контексты вида «прекращённая ситуация» (*некогда наша деревня была маленькой*), «аннулированный результат» (*дом построили,*

а потом он был снесён), «ирреальное условие» (если бы у мальчика были деньги, он бы купил подарок для девочки), а также не столь массово, но вполне надёжно засвидетельствованное эвиденциальное значение (о нём уже шла речь выше в связи с перфектом), модальное смягчение категоричности утверждения, значительная временная дистанция (или собственно «давнопрошедшее»), значение прошлого опыта (экспериментал). Кроме того, для плюсквамперфекта очень характерны дискурсивные функции, связанные с «разрывом» и смещением планов повествования, причём это отступление не только во времени: сообщение фоновой информации, разного рода комментарии и т. п. Нами впервые выделена особая функция «сдвига начальной точки» — употребление плюсквамперфекта в первом предложении текста, что относит излагаемые события в неактуальный временной план (ср. начало нарратива в новгородской берестяной грамоте № 724: *оставили мя были людье*; дальнейшее повествование идёт в перфекте); такое употребление характерно для ряда языков (уже упоминавшийся сантали, багвалинский, немецкий, итальянский, а также некоторые нелитературные варианты американского английского). Подобное формальное и семантическое разнообразие задаёт большое пространство возможностей для сосуществования (квази)синонимичных показателей плюсквамперфекта.

Здесь отдельно рассматриваются синонимические пары, связанные с морфологическим и семантическим переносом в план прошедшего показателей, отражающих различные этапы рассмотренного в предыдущей главе этапа «результатив—перфект—претерит» (3.3). Исходный тип соотношения (3.3.1) связан с результативными оттенками (диахронически более новая форма имеет значение результирующего состояния в плане прошедшего), причём более старая форма развивает типичные дополнительные значения плюсквамперфекта из зоны «неактуального прошедшего» (португальский — синтетическая vs. аналитическая форма, лезгинский — ретроспективизированный перфект и претерит, македонский — ‘быть’ и ‘иметь’-плюсквамперфекты, уже кратко рассматривавшиеся с другой точки зрения в Главе второй). Выделены два основных диахронических пути развития такого рода систем (3.3.2.—3.3.3.), каждый из которых представлен в ряде генетически и ареально неродственных языков. Первый из них — переход от квазисинонимии к полной синонимии (3.3.2: португальский, турецкий, удмуртский, чувашский), что может сопровождаться отрицанием исторически старшей формы (возможно, через этап стилистической дифференциации). Второй — это превращение одной из форм в «неактуальное прошедшее», вовсе утратившее таксисные употребления (3.3.3: акан [группа ква, Нигерия], агульский, удинский, белуджский, некоторые русские говоры, где формы типа *пришёл был* имеют только антирезультативные и неактуальные употребления, близкие к лит. *пришёл было*, а формы типа *пришедши был* имеют семантику, соответствующую базовому употреблению плюсквамперфекта).

Раздел 3.4. рассматривает так называемые «сверхсложные формы» (образуемые при помощи сочетания аналитического перфекта/претерита и дополнительного причастия вспомогательного глагола; ср. нем. *ich habe vergessen gehabt* ‘я забыл’), лучше всего изученные в европейских языках (впрочем, последнее слово ещё не сказано, на наш взгляд, и о европейских формах), но представленные также и в ряде других языков Евразии и только в последнее время привлекающие внимание типологов. При анализе этих форм привлекается (3.4.1) понятие «ретроспективного сдвига» [Плунгян 2001]¹¹ как морфологической техники переноса форм в план прошедшего и добавления специфической семантики «неактуального прошедшего», характерной для плюсквамперфекта. Оказывается, что именно такая семантика со временем становится существенной чертой сверхсложных форм в языках Европы,

¹¹ Плунгян, В. А. Антирезультатив до и после результата // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории М. Русские словари*, 2001. 50—88.

отличая их от «регулярного» плюсквамперфекта; если семантика «обычного» плюсквамперфекта «догоняет» их, эти формы маргинализируются (3.4.2); особо исследуются остаточные системы (где «обычный» плюсквамперфект утрачен: славянские, швейцарско-немецкий диалект) (3.4.3). Частный случай этой тенденции — эвиденциализация сверхсложных форм (наиболее ярко выразилась в «эвиденциальном поясе Старого Света» — Балканы, иранские, нек-рые тюркские), однако представлена, например, и в немецком [Levin-Steinmann 2004]¹² (3.4.4); скорее всего причина возникновения этого значения — не «заполнение лакуны», а вторичная эвиденциализация изначально темпоральной формы (ср. индоиранские, где представлены как эвиденциализированные, так и неэвиденциализированные сверхсложные формы). Отдельно рассматриваются несколько плюсквамперфектов, различающихся по удалённости ситуации от точки отсчёта, в частности, особая форма плюсквамперфекта, отнесённая при помощи показателя «ретроспективного сдвига» ещё дальше в прошлое (такая стратегия характерна для ряда европейских языков, — ср. фр. *il avait eu écrit* 'он написал', а также для австроазиатского языка сантали, 3.4.5).

В разделе 3.5. мы рассматриваем плюсквамперфекты, образованные при помощи различных видовых форм вспомогательного глагола (ср. фр. *il avait / eut écrit*); это не очень частая ситуация, представленная только в языках Европы, однако определённые типологические закономерности можно выявить и здесь; основная из них — та, что в роли «прототипического» плюсквамперфекта, более диахронически «перспективного» (развивающего характерные для него дополнительные значения, дольше сохраняющегося в системе), выступает плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола; форма же с аористом вспомогательного глагола приобретает более или менее маргинальный характер, специализируясь на особых значениях («непосредственное предшествование», «быстрота» — романские формы вроде фр. *passé antérieur*, значения ирреальной зоны — албанский и, возможно, славянские). Здесь же мы выдвигаем и обосновываем гипотезу о плюсквамперфектном происхождении одной из форм славянского условного наклонения (такого, как *читал бы < читаль быхъ*), которая связана в том числе и с проблематикой синхронного сосуществования нескольких плюсквамперфектов в системе. Традиционно считается, что форма вроде *читаль быхъ* возникла под влиянием представленной в части старославянских памятников аналитической формы *читаль бимь*, где форма вспомогательного глагола восходит к индоевропейскому опативу. Однако такой трактовке препятствует очень широкая распространённость этой формы, в то время как старая форма засвидетельствована практически только в западнобалканской зоне; кроме того, старославянский язык долго сохранял форму с аористом вспомогательного глагола и в плюсквамперфектной, и в кондициональной функциях, а следы плюсквамперфектной семантики сохранились у кондиционала в верхнелужицком и сербохорватском. Учитывая типологическую тривиальность развития у плюсквамперфекта модальных значений, следует считать высоковоероятным изначально плюсквамперфектное значение данной конструкции (на её форму и семантику по крайней мере в части славянской зоны повлияла и конструкция с *бимь*).

Раздел 3.6. посвящён подробному типологически ориентированному анализу конкретного случая (case study) — сближения и конвергенции первоначально противопоставленных по признаку наклонения плюсквамперфектов в латинском языке (и форм-преемниц в романских языках) Особо подчёркивается полисемия латинского плюсквамперфекта уже в ранний период, несомнимость его употреблений к «данвопрошедшему» и «предшествованию в прошлом»; при типологическом

¹² Levin-Steinmann, A. *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalen 1-Periphrase*. München: Otto Sagner, 2004 (Slavistische Beiträge, 437).

подходе выделены также некоторые классы употреблений латинского плюсквамперфекта (связанные со «сдвигом начальной точки» и проксимативными контекстами вида *чуть было не умер*), ранее не привлекавшие значительного внимания филологов. Отмечается полная синонимия форм на *-era* и *-isse* в позднелатинский период (чему способствовала модализация первой), сохранение её в испанском (уже в качестве форм конъюнктива), изменение принадлежности к наклонению *-isse*-формы в румынском (для неё больше характерны не таксисные, а дискурсивные употребления «вне последовательности»).

Наконец, раздел 3.7. носит характер экскурса: в нём рассматриваются не синонимичные глагольные формы с одинаковым базовым значением, а характер соотношения перфекта в плюсквамперфектной функции и собственно плюсквамперфекта в генетически и ареально разобщённых языках. связано с прагматическими функциями перфекта (актуальность, новая информация и т. п.); плюсквамперфект (но не перфект) имеет значение результативности в прошедшем так в итальянском, немецком, древнерусском [Петрухин 2004]¹³, коми.

Общий вывод по главе: морфологические значения в плане предпрошедшего, с точки зрения языка, обладают различной степенью «важности»; противопоставление по результативности оказывается неустойчивым, и язык его утрачивает (3.3), противопоставление по эвиденциальности — существенным: имеются параллельные формы эвиденциального и неэвиденциального плюсквамперфекта (3.4.3). В целом для таких систем характерна квазисинонимия (не полная синонимия). Это естественно связывать с двумя факторами. С одной стороны, это «двойственность» плюсквамперфекта — сосуществование у него более ранних таксисных и более поздних функций, связанных с «зоной сверхпрошлого», которые могут быть преимущественно усвоены одной из форм; так обстоит дело со сверхсложными формами (3.4.2) и с некоторыми конструкциями, образованными от старых форм прошедшего (3.3.3). С другой стороны, это семантическое богатство «зоны сверхпрошлого» и наличие в ней целого ряда значений (антирезультативного — 3.4.3, эвиденциального — 3.4.4. или модального — 3.5.2), на котором специализируется одна из форм. Как важную диахроническую тенденцию можно отметить обособление «неактуального прошедшего» (лишённого уже таксисной специфики) в отдельную форму.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ обсуждает синонимию форм **прогрессива** (в русской аспектологической традиции — актуально-длительного значения, или, в терминологии Ю. С. Маслова, «конкретно-процессного» вида) в языках мира (характерный пример — английские времена группы *Continuous*). В разделах этой главы (4.4.—4.8) привлекаются различные типы пар конструкций, грамматикализирующихся как показатели прогрессива.

Очень распространена параллельная грамматикализация нескольких глаголов положения («сидеть», «стоять», «лежать») (4.4.1). В этих случаях отмечается частая зависимость от лексической семантики глагола, не обязательно круг этих глаголов сокращается по мере грамматикализации, напротив, в целом ряде языков отмечен переход синонимичных показателей на следующий этап (имперфектив, хабитуалис).

Для различных локативных конструкций прогрессива (4.4.2) характерно сосуществование слабее грамматикализованных, стоящих ближе к лексическим единицам, показателей (например, глаголов положения) и сильнее грамматикализованных средств (например, локативных предлогов и падежей); отражают различные этапы семантической эволюции прогрессива, часто связанные с

¹³ Петрухин, П. В. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics* 2004, 28: 73—107.

развитием дополнительных значений (проспективных, или «предстоящей, судя по всему. ситуации» — в германских языках, абсентивных, или «ситуации, происходящей вне поле зрения собеседников» — в прибалтийско-финских). Синонимия разных типов локативных конструкций имеет тенденцию перерасти в оппозицию «собственно прогрессив vs. имперфектив»: так обстоит дело в германских языках или языках манде в Африке (близкая ситуация и в эстонском).

В ряде языков сосуществуют локативные конструкции и конструкции с глаголами движения (4.5.); для последних характерна градативная семантика («постепенное количественное развитие ситуации»), а также связь со значением полнозначного глагола; это различие переходит в полную синонимию, возможно, с социолингвистической составляющей (итальянский, испанский Мексики) либо в противопоставление «прогрессив vs. хабитуалис» (нгангитсьемерри, Австралия). Таким образом, этот тип является промежуточным между двумя предыдущими.

В случае синонимии среди конструкций с глаголами движения ('идти', 'приходить' и т. п.; 4.6.) прогрессив с 'приходить' ретроспективен (рассматривает действие 'до точки отсчёта'), с 'уходить' проспективен ('начиная с точки отсчёта') [Майсак 2005]¹⁴; глагол 'ходить' сочетается с глаголами, обозначающими непрерывную деятельность. Такой тип синонимии достаточно широко распространён в языках мира.

Особо рассматривается несколько чётко определяемый класс систем, где представлена синонимия с участием конструкций-источников «сфокусированного прогрессива» (4.7) «Сфокусированный прогрессив» [Bertinetto 2000]¹⁵ — это форма, фиксирующая действие в некоторой точке (а не на некотором отрезке), в частности, она не сочетается с обстоятельствами, ограничивающими «отрезок наблюдения» (ей противопоставлен «дуративный прогрессив»); специфические его источники — конструкции со значением 'быть занятым', 'быть в процессе', 'делать'. Такие конструкции отмечены прежде всего в романских языках, ряд их аналогов имеется и в других, генетически не связанных.

В заключении главы разбирается синонимия с участием связки нелокативного происхождения (4.8.: 'быть делаю' vs. 'стоять делаю', представлена в таких языках, как латынь, калмыцкий, индийский язык чоктав).

Общие выводы по главе: сосуществование параллельно грамматализирующихся форм прогрессива очень распространено, а в значительном количестве языков и переходит (без какой-либо специализации либо с оставлением одной формы на стадии прогрессива) на более поздние стадии — имперфектива, хабитуалиса и даже показателя настоящего времени. В качестве разграничивающего критерия часто выступает проведённое в [Bertinetto 2000] различие между «дуративным» и «сфокусированным» прогрессивами, а также различия в сочетаемости с различными аспектуальными и семантическими классами глаголов; в этом смысле синонимия прогрессивов близка к синонимии результатов. Синонимия, вовлекающая формы прогрессива, которые образуются при помощи грамматализовавшихся глаголов движения, ярко высвечивает собственную семантику данных конструкций (градативную, проспективную, ретроспективную), которая впоследствии обобщается до прогрессива.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ диссертации представлен, помимо содержательных итогов всех глав, ряд более общих выводов.

¹⁴ Майсак, Т. А. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: Языки славянской культуры, 2005.

¹⁵ Bertinetto, P. M. *The progressive in Romance, as compared with English* // Dahl (ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000: 559—604.

Семантические и морфологические свойства глагольных форм, вступающих в отношение синонимии, обнаруживают известную корреляцию со свойствами, выявленными, например, в [Bybee, Dahl 1989]¹⁶ и [Bybee et al. 1994] для недавно грамматикализовавшихся, или «молодых», глагольных форм. С формально-синтагматической точки зрения, как правило, по крайней мере одна из форм, вступающих в отношение синонимии, чаще всего является аналитической. Действительно, грамматическая синонимия представлена среди форм, которые в языках мира вообще чаще всего выражаются при помощи аналитических конструкций — а именно результатов, плюсквамперфектов и прогрессивов; к формам будущего времени (не разбираемым в настоящей работе) это, насколько можно судить, тоже относится; отмеченные в языках мира синонимичные пары футурумов включают в себя аналитические формы. Чаще попадают в синонимические отношения формы с ясным, легко опознаваемым лексическим источником грамматикализации.

Считать, что в этих фактах сказывается «прорыв» менее системной лексической семантики в область более системной семантики грамматической, было бы, конечно же, напрашивающимся и самым простым объяснением этих данных. Возможно, в общем виде этот вывод и верен, хотя представляется несомненным упрощением реальной картины. Известно, что грамматикализация вообще сопровождается обобщением, «выветриванием» лексических значений. Да и семантика полнзначных слов, являющихся источником различных «наслаивающихся» путей грамматикализации, далека от изначальной синонимии. Как представляется, обусждаемый эффект связан, в частности, с действием общеязыкового требования дифференциации (требования «изоморфизма языка и модели мира»; см. также выше), которое начинает действовать на более позднем этапе существования синонимичных форм. Это и обуславливает наблюдаемое распределение семантически «старых» перфектов или имперфективов — практически все они развивают свойственные только данным формам те или иные дополнительные употребления, условия сочетаемости (в частности, с различными таксономическими классами глаголов) и т. п. Дальнейшие направления грамматикализации таких форм, как правило, бывают различными и зависят от того, какие именно дополнительные употребления развила каждая из них, таким образом, имеет место диахроническая «вилка» (например, два «старых» перфекта эволюционируют один в направлении простого прошедшего, другой в направлении показателя эвиденциальности). В результате сильно продвинувшиеся по пути грамматикализации глагольные категории, такие в пределах языковой системы имеют тенденцию к уникальности (например, перфект по сравнению с результатом, эвиденциальная форма по сравнению с перфектом, форма «неактуального прошедшего» по сравнению с плюсквамперфектом).

Такое соответствие, в общем, ожидаемо, исходя из теории грамматикализации: это «специализация» в терминах М. Брэаля, рассматриваемая как фактор грамматикализации в [Norper, Traugott 1993], или «сужение ниши» по [Dahl 2004].

Наряду с этой тенденцией, однако, отмечается и другая, которая на первый взгляд может показаться прямо противоположной, — в действительности же она ей не противоречит и дополняет её. Так, перфект — форма, сильнее грамматикализованная, чем результатив, и слабее, чем претерит, однако материал Главы второй показывает, что синонимия перфектов, связанная с различными диатезными типами результатива — и восходящая к результативам, — при сохранении у этих форм именно перфектной семантики исчезает (две формы унифицируются), зато стабильно переходит на следующий этап — претерит, если перфектная семантика у этой формы относительно

¹⁶ Bybee, J., Dahl, Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies of language* 13-1, 1989.

недолговечна В Главе четвёртой отмечено (4 4 1), что в двух языках — татарском и нидерландском — как показатель прогрессива специализируется один глагол положения ('сидеть' в нидерландском и 'стоять' в татарском), в то время как остальные глаголы положения приобретают дуративную, имперфективную, хабитуальную интерпретацию — при том, что прогрессив является диахроническим предшественником всех этих значений. Выше мы связали эти свойства перфекта (Глава вторая, 2.3 7, 2.5), с диахронической «неустойчивостью» данной формы, отмеченной, в частности, в [Lindstedt 2000]¹⁷. Форма, которая во многих языках долго сохраняет значительную часть семантики результатива и/или быстро переходит в претерит, в тех случаях, когда она всё же остаётся длительное время в глагольной системе в оппозиции с претеритом (а часто, как мы видели, и с результативом) проявляет тенденцию к системной унификации, к одно-однозначному соответствию между семантикой и формой; подобная «кристаллизация» показателя (не обязательно по признаку соотношения между планом выражения и планом содержания, но и по целому ряду других параметров) названа в [Dahl 2004] «созреванием», *maturation*. Схожее объяснение можно предложить и для прогрессива. Это диахронически молодая форма, моложе, чем перфект; с прогрессива данный путь грамматикализации начинается. Поэтому для него, как и для результатива, очень характерна грамматическая синонимия. Вместе с тем он также рано и часто развивает употребления следующего этапа грамматикализации, например, имперфективные и хабитуальные, так что отграничить его от имперфективных форм с другим значением не всегда возможно; поэтому сосуществование в системе нескольких синонимичных форм, переходящих на следующую стадию, и одной, остановившейся и законсервировавшейся на предыдущей как специфический показатель именно и только прогрессива, не удивительно.

Наблюдаемая «неустойчивость» грамматических показателей, с одной стороны, и диагностируемая нами грамматическая (квази)синонимия, с другой стороны, не зависят от произвольно предписанных типологических «ярлыков», и логического круга здесь не возникает: в дело вступает уже типология не глагольных значений, а глагольных систем, того, какие значения (которые, в принципе, можно делить сколь угодно мелко; значения суть классы, выделяемые из континуума грамматически правильных употреблений) в языках мира преимущественно выражаются одним показателем и в какие системы входят.

Характер семантических отношений между синонимами — недавно грамматикализировавшимися показателями (результатив и прогрессив), что естественно и ожидаемо, достаточно тесно связан с лексической семантикой. Сюда особенно интенсивно проникают различия между несколькими формами, отражающие акциональную специфику, определённый семантический (не аспектуальный) тип предиката, семанτικο-синтаксические особенности (последнее относится к результативу); на последующих этапах грамматикализации такие различия нередко сохраняются, но отступают на второй план по сравнению с собственно видо-временными различиями.

Постоянный ресурс для семантических различий между квазисинонимичными формами — а в дальнейшем и для их дифференциации и ликвидации квазисинонимии — это типологически устойчивая полисемия глагольных показателей. Показатели, для которых характерна полисемия (перфект, плюсквамперфект, в меньшей степени прогрессив), вступая в синонимические отношения, нередко (хотя и не всегда) специализируются на одном из этих значений: ярким примером может служить

¹⁷ Lindstedt, J. The perfect – aspectual, temporal and evidential // *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000: 365—384.

намечающееся семантическое «растрескивание» перфекта, следующее за формальным (исландский и македонский, 2.3.5), формы с разнообразной семантикой («неактуального прошедшего», антирезультативной, модальной, эвиденциальной), восходящие к одному из плюсквамперфектов (Глава третья).

Системное противопоставление часто «высвечивает» составляющие семантики синонимичных показателей, связанные с их диахроническими (в том числе лексическими) источниками. Так, синонимичные прогрессивы, образованные при помощи различных глаголов движения и положения, сочетаются в некоторых системах преимущественно с глаголами, обозначающими деятельность, совместимую с таким типом позиции или движения (4.4.1). Пример на влияние нелексического источника плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола в романских языках обнаруживает связь с семантикой аориста в этих же языках (3.5.1).

С другой стороны, период полной синонимии показателей может стать причиной для «забвения» ими внутренней формы и дифференциации по иным параметрам, чем можно было бы предсказать, исходя из их истории. Особый интерес представляет случай, когда формы, пройдя период синонимии, меняются функциями. Такая ситуация встречается, по всей вероятности, гораздо реже, чем сохранение «памяти» формы, но отмечена, например, дважды в румынском языке: плюсквамперфект, восходящий к одной из синонимичных позднелатинских форм, в литературном языке меняет принадлежность к наклонению (3.6.3), а в диалектах претерит, восходящий к аналитическому перфекту, становится давнопрошедшим — в противоположность старому перфекту (2.4.2). Аналогичная ситуация с последней парой форм отмечена в карачаево-балкарском (там же). Картина, близкая к актуальной «рокировке» двух плюсквамперфектов, различавшихся по признаку «результативность/нерезультативность», представлена в некоторых романских языках (3.5.1)

Исследование синонимии видо-временных показателей, относящихся к базовым формам глагольной парадигмы, является важным дополнением к типологии глагольных категорий. Скорее всего, привлечение большего типологического материала и более детальные исследования отдельных показателей смогут значительно уточнить и дополнить выводы нашего исследования (как общие, так и касающиеся отдельных грамматических значений), но уже сейчас ясно, что грамматическую синонимию нельзя целиком относить к «беспорядку» в системе (по [Dahl 2004]), и считать, что она «не коррелирует со степенью грамматикализации и, вероятно, не коррелирует вообще ни с чем, поскольку в принципе несистемна» [Lehmann 1982/1995: 123]¹⁸. Напротив, для синонимии глагольных категорий характерен целый ряд закономерностей, знание которых представляется достаточно важным — как с теоретической, так и с практической точки зрения.

¹⁸ Lehmann, C. *Thoughts on grammaticalization*. München: I.LINCOM Europa, 1982 (2nd ed, 1995).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Сичинава Д. В. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001, с. 89—114.
2. Сичинава Д. В. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // Вопросы языкознания, № 5, 2003, с. 40—52.
3. Sitchinava Dmitri V. Past markers in Santali: a typology-oriented approach // International Conference on South-Asian Literatures and Languages ICON-SALILA (ICOSAL 5), MSU, 2003, с. 46—50.
4. Сичинава Д. В. Абсолютные употребления латинского плюсквамперфекта // Индоевропейское языкознание и классическая филология - VII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. 16-18 июня 2003. СПб., 2003, с. 97—102.
5. Сичинава Д. В. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004, с. 292—312.
6. Петрухин П. В., Сичинава Д. В. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Сборник в честь В. М. Живова (в печати).

РНБ Русский фонд

2006-4

17529

№ 19845

Напечатано с готового оригинал-макета

Издательство ООО "МАКС Пресс"

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

Подписано к печати 13.10.2005 г.

Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 652.

Тел. 939-3890. Тел./Факс 939-3891.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.